

нуть его к добру, цены бы ему не было, этому Женьке! Белов убеждает нас, что, несмотря на всю остроту классово-борьбы, на снешку и трудности тех лет, так могло, могло быть! И смерть Аленушкина от Наташиной праведной пули потрясает нас подлинным трагизмом. Молодой актер молодого театра поднялся в этой роли до высот настоящего, большого искусства.

«ГОРОД на заре» и «Сказки Пушкина»...

Трудно представить себе два спектакля, более различных по драматургии. Но это спектакли одного театра. После знакомства со «Сказками» зритель вправе уже говорить о сценическом почерке молодого коллектива. И дело вовсе не в похожести формы! Напротив, и манера подачи текста, и цветовое, и пластическое решение в «Сказках» совершенно другие. С «Городом на заре» их роднит пропагандистский темперамент, умение заразить зал своим восхищением перед пушкинскими творениями.

Проявляется это уже в самом подходе к тексту. Инсценировки в обычном понимании этого слова просто нет: нет ни чтеца «от автора», ни ремарок: пушкинские строки, от первой до последней, читаются действующими лицами. И делается это с таким тактом, с такой четкостью внутреннего действия, что через минуту увлеченный зритель забывает о непривычном приеме и — спроси его — не сможет уже представить, как иначе можно играть этот спектакль.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» найдено интересное пластическое решение. «Море» изображают девять актрис — девять девушек с длинными белыми косами, одетых в синие платья старинного русского покроя. Они сидят под обрывом спиной к зрителю и на протяжении всей сказки танцуют море. Необыкновенно хороша кульминация этого танца. Когда Старик говорит: «Так и вздулись сердитые волны, так и ходят, так воем и воют», — «волны», взметнувшись, поворачиваются к зрителю. Теперь не только их гибкие тела передают бушевание «черной бури», теперь к Старику обращено девять бледных лиц с нахмуренными бровями и глазами, полными гнева.

Старика играет артист Д. Масленников. Он же энтузиаст-балетмейстер театра. И «море», и танец шамаханских дев в «Золотом петушке», и пантомима земляных работ в «Городе на заре», и многое другое, связанное с пластикой, с движением, — работа Д. Масленникова.

«ВСЕ ЭТО не так просто» — инсценировка Г. Шмелева по рассказу Л. Исаровой «Дневник». Это бесхитростная повесть о первой любви девятиклассницы Зои Лезгиной, о ее друзьях, о красоте и сложности большого, «взрослого» мира, открывающегося перед ними. Рядом с многоплановой драматургией Арбузова пьеса «Все это не так просто» выглядит драматическим этюдом.

Спектакль крупнее пьесы, он звучит тревожнее и, если можно так выразиться, громче, чем пьеса. Если в «Городе на заре» театр доказал свою способность понять драматурга и пойти за ним, вернее — с ним, то во «Все это не так просто» он демонстрирует активность своей художнической позиции.

Автор говорит: «Все это не так просто. Зайке не еще шестнадцать лет, а уже шестнадцать лет. У нее формируется не только мировоззрение, но и человеческая душа, способная к большим, настоящим чувствам. Надо быть внимательнее, осторожнее, чтобы не покалечить юную душу, не ополнить, не растоптать первого чистого чувства».

Театр соглашается с автором, горячо поддерживает его, но добавляет: «Посмотрите, как прекрасен бывает человек, когда его коснется любовь! Сколько нового раскрывается в нем самом, какие запасы верности и благородства обнаруживает он в окружающих!»

Автор говорит: «Будьте внимательны, будьте осторожны». А театр настаивает: «Смотрите, завидуйте, мечтайте, учитесь жить так же целеустремленно и честно, чувствовать так же чисто и глубоко, как Зайка!» Театр не спорит с автором, он только идет дальше. И он не размышляет о Зайке, а ввязывается за нее в драку.

Многое, пожалуй, в спектакле не получилось бы, не встретив Зайку свою самую главную, самую самоотверженную защитницу в исполнительнице этой роли Ирине Шойхет, актрисе больших чувств и редкого обаяния. После Наташи в «Городе на заре» Зайка для Шойхет — не один, а сразу несколько шагов вперед по пути, который она избрала.

СУЩЕСТВУЮТ две точки зрения на задачи театра юного зрителя. Одна часть школьных работников считает, что спектакли ТЮЗа должны служить неким продолжением учебного процесса, что репертуар надо строить в соответствии с программой по литературе для ее иллюстрации, а современные пьесы, включаемые в этот репертуар, должны быть посвящены классной дисциплине, домашним заданиям и пропаганде «личной гигиены ученика».

Другие думают, что театр может оказать школе неоценимую помощь, если вместо повторения пройденного и разыгрывания в лицах незыблемых прописей он распахнет перед своими зрителями двери в тревожный образный мир подлинного искусства, если он научит их

глубже чувствовать, настойчивее думать, научит видеть, распознавать и понимать прекрасное.

Чтобы удовлетворить первых, театру достаточно быть хорошо налаженным зрелищным предприятием. Чтобы оправдать надежды вторых, ему надо стать коллективом художников, объединенных единым мировоззрением, эстетическими идеалами, бескорыстием, верностью и высоким чувством ответственности — надо стать театром.

Нет сомнений, что Воронежский театр юного зрителя выбрал второй путь, иначе не имело бы смысла публиковать эти заметки, которые кое-кому могут показаться не только пристрастными, но и попросту запальчивыми.

Во многих городах мне приходилось слышать разговоры о поисках «лица» театра. Один товарищ совершенно серьезно как-то сказал мне: «Театр хороший, с высокой культурой. Если бы им еще удалось найти свое лицо...»

Мне кажется, что театру, идейные и эстетические принципы которого определены, нет необходимости тратить время на такие поиски: характер его сложится в результате взаимодействия творческих индивидуальностей. И если уж говорить о «лице театра», то у Воронежского ТЮЗа лицо открытое, освещенное мыслью, согретое жаром души. Есть в этом лице и суровость молодого бойца, и веселая лукавинка-скоморошинка, и милая юношеская застенчивость. Не знаю, как кому, а мне очень хочется, чтобы эти черты жили возможно дольше.

Андрей ЛЯДОВ,
специальный корреспондент
«Литературной России»

На снимках: сцена из спектакля «Город на заре» (слева); сцена из спектакля «Сказки Пушкина» (вверху).